

- ¹⁰ Зеленин Дм. Указ. соч., 10, 13.
¹¹ Pedersen H. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent // KZ XXXVIII, 1905, 313.
¹² Симица Г.Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимике Пинежья). Л., 1980, 92.
¹³ Младенов Макс. Сл. Из лексиката в Кюстендилско // БД VI. С., 147.
¹⁴ Видоески Б. Зборови од Порече // МЖ II, 2, 1951, 47.
¹⁵ Речник с обяснителни бележки на някои думи и езикови форми в народните умотворения // Родопски напредек III, 1. 195, 47; Стойчев Т. Родопски речник // БД II. С., 1965. 259.
¹⁶ Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. I: А–Н; т. II: О–Ө. СПб., 1845.
¹⁷ Гринкова Н.П. Некоторые вопросы изучения словарного состава славянских языков // Уч. записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 92. Л., 1953, 66.

А. Лома

ПРАСЛАВ. **XALQGA* < ДР.-ГРЕЧ. *φάλαγγ-* И СКИФСКИЙ ПЕРЕХОД *f* > *χ*

Греч. *φάλαγξ*, *-αγγος* – технический термин, широко распространившийся за рубежами греческого языка путем многократных заимствований, в разных формах и значениях, происшедших в течение многих столетий в соседних, а через их посредство – и в более отдаленных языках. Исчерпывающая история этого слова стала бы предметом обширной монографии, затрагивающей, кроме собственно грецистики, и область романистики, германистики, славистики и прочих отраслей языкознания. Такое разыскание в каждом случае выходит за рамки этой статьи, которая ставит себе более скромную цель – указать на до сих пор не замеченную возможность объяснения одного праславянского слова из того же самого древнегреческого источника. Речь идет о праслав. **xalqqa*. Трудность предполагаемого сопоставления состоит прежде всего в расхождении двух анлаутов; в последующем мы попытаемся преодолеть ее с помощью предположения о древнеиранском, точнее – скифском, посредничестве, что имело бы значительные историко-географические импликации. Сначала рассмотрим оба слова в отдельности, особенно с точки зрения их семантики.

В древнейшем литературном источнике Илиаде слово *φάλαγξ* (как правило, во множественном числе *φάλαγγες*) обозначает ‘строй в битве’. В значении ‘сомкнутый строй пехоты’, оно в классическую и потом в эллинистическую эпоху стало важнейшим термином военной тактики, который в современных языках является интернациональным историзмом. Это техническое значение – очевидно, вторичное. Схолии к Илиаде объясняют, что слово *φάλαγγες* первоначально обозначало ‘срубленный лес, брёвна (*τὰ ξύλα*)’, прибавляя, что к тому времени так

назывались деревянные постройки (τὰ ἐκ ξύλων οἰκοδομήματα). Действительно, Геродот употребляет *φάλαγξ* в значении ‘брус’, и именно это значение должно было быть основным, если учесть этимологические связи слова, сопоставляемого с нем. *Balken* и праслав. **bolzina*, что, впрочем, не без формальных трудностей (вторичная назализация?). Позднее, с эллинистической эпохи, *φάλαγγες* – это ‘круглые брусья, валки для спускания кораблей на воду’ (Apoll. Rhod. I, 375 д.; Ogrh. Argop. 272). Как кораблестроительный термин слово перешло в латинский язык, из него – в балканославянский, ср. с.-хорв. диал. *полуге* ‘Gerüste, worauf die Schiffe ins Meer gelassen werden’ (Skok II, 676). В литературном языке *пòлуга* – ‘рычаг, слиток, болванка’. Южнославянское заимствование обладает всеми признаками древности: переходы *ǣ > o* и (тавтосиллабическое) *an > *q > y* позволяют датировать его до X столетия христианской эры, но ареал указывает, что оно произошло не в праславянскую эпоху, а позднее, на Балканах; по акцентологическим причинам непосредственным источником промежуточной формы **polqga* является балкано-лат. **phalǎnga*, восходящее, в свою очередь, к греческому аккузативу *φάλαγγα*. Из балканороманского источника и заимствованные позднее диалектные формы *пàланга*, *палáнга* ‘засов, рычаг’ (Черногория).

Впрочем, *φάλαγγες* обозначает не отдельные, а соединенные, сплоченные брусья. К той же метафоре восходят др.-греч. значения ‘части пальцев между суставами’, *φάλαγξ*, *φάλαγγιον* ‘паук’ (т.е. ‘членистоногое животное’), а, возможно, и вышеупомянутое, подтвержденное схолиями к Гомеру ‘деревянная постройка’². Некоторые авторы относят эти схолии к Аристотелю³, но само значение кажется значительно древнее, если для гомеровского ‘строй, отряд’ исходить из метафоры ‘деревянное укрепление’ так же, как и в случае гомер. *πύργος* ‘башня’ > ‘отряд’⁴. То же значение имеют заимствования лат. *palanca* ‘здание из кольев’, итал. *palanca* ‘частокол’, с.-хорв. литер. *пàлǎнка* (диал. редко *паланга*) ‘палисад’ > ‘ограда, городок’, болг. *палáнка* ‘местечко’, рус., укр. *палáнка* ‘укрепление с частоколом’, польск. *palanka* ‘частокол’, венг. *palank* то же, тур. *palanka*, *palanga* ‘деревянное укрепление’, рум. *palancă* то же, н.-греч. *παλάγγα*; прямым источником славянских и балканских форм считается итальянское слово⁵. Иным ареалом характеризуется хорв. (чак. и кайк.) и словен. *plǎnka*, чеш. *pláňka*, рус., укр. *плáнка* ‘доска, кол’, во множ. числе ‘частокол, ограда, изгородь, забор’; полагают, что цепь заимствований ведет через нем. *Planke*, *Blanke* и его романский источник (ср., напр., франц. *planche*) к лат. грецизму *planca* < *phalanga* и что слово распространялось в качестве военного термина для обозначения (деревянного) укрепления⁶. С начальным *ф-* и в специальном значении ‘*pièce de bois percée dans laquelle on retient les pieds des criminels pour donner la bastonnade*’ с.-хорв. *фǎлаке*, булг. *фалака*, *фалага*, *фаланга*, арум. *falangi* являются балканскими грецизмами, восходя, непосредственно или через тюрк. *falaka*, к новогреческому *φάλαγγας* (Skok II, 676).

Вернемся к праслав. **xalqga*. Слово реконструируется на основе родственных форм – ст.-слав. халѣга (Остром.) ‘фраγγός, саерес, ограда, забор, изгородь’ (Лука 14, 23), др.-рус., рус.-ц.-слав. халѣга ‘тын, изгородь’, позднее и ‘улица’, рус. диал. халужка ‘небольшой вал с сеном’, блр. халу́га ‘ветхая изба, плетеный или земляной шалаш’, укр. халу́ззя ‘мелкие ветки, прутья’, чеш., словац. *chaluha* ‘водяное растение *Fucus*’, словен. *halóga* ‘кустарник; ветки, принесенные водой, водоросль’, с.-хорв. (х)алу́га густой лес, чаща, кустарник; сорная трава, заросли; дебри; овраг’, болг. диал. *âlaga* ‘песчаный луг у изгиба реки’ (Понбрене, Панаг.) наряду с *âluga* то же (Ломско) (ЭССЯ 8, 15; Фасмер IV, 218 и сл.; БЕР I, s.v.). Основным значением кажется то, которое первым и засвидетельствовано, – ‘тын’, т.е. ‘стена из кольев или брусьев, связанных между собой переплетенными прутьями’, отсюда выводится с.-хорв. ‘густой лес, чаща’ как метафорическое обозначение леса из часто растущих, ветвями и вьющимися растениями переплетающихся деревьев. Далее эта первичная метафора развилась, через экспрессивную гиперболизацию, в ‘кустарник, заросли, сорная трава, водоросль’, а, с другой стороны, – через синекдоху – в ‘дебри, овраг’. Болгарское значение выводится тем же способом из ‘водоросль’, так что, вопреки Менгесу⁷, не надо сомневаться в его (и некоторых с.-хорв. примеров) принадлежности к рассматриваемому здесь гнезду.

Если наша реконструкция семантического развития данного слова правильна, **xalqga* изначально является техническим термином, семантическое сходство которого с др.-греч. φάλαγγ- очевидно. Этому факту не надо было бы приписывать особой важности, если бы слово имело убедительную и общеприемлемую славянскую этимологию, но для него, как и для большинства праславянских лексем с начальных *x-*, такой этимологии пока нет. Правда, в ЭССЯ без оговорки принимается старое, шестидесятилетней давности, толкование Лер-Сплавинского, согласно которому это производное с суф. *-qga* от праслав. **xala*/**xalъ*, но если посмотреть данную статью, приведенный там материал трудно возвести только к одной праславянской лексеме⁸. По крайней мере, можно было бы сравнить восточнославянские слова вроде блр. *халь* ‘дрянь, ветошь’ со значением **xalqga* ‘сорная трава’, допуская вторичное переосмысление и экспрессивизацию первоначального технического, по всей вероятности, – заимствованного, термина. Поэтому надо согласиться с Фасмером, который все существующие этимологии считал неудовлетворительными⁹, и продолжить исследование в направлении, указанном Петром Скоком, который, как и Фасмер, не принимая ни одного из существующих объяснений, предполагал предславянское, скифское происхождение слова (Skok I, 652). В самом деле, если возвратиться к сопоставлению с др.-греч. φάλαγγξ, именно скифское посредничество помогает преодолеть указанную фонетическую трудность – слав. **x-* для др.-греч. φ-.

В одной своей статье по иранистике, которая, как ни странно, оказалась в сборнике, посвященном долитературной истории латинского

языка, Освальд Семереньи коснулся загадки так называемых “юго-западно-иранских” заимствований в венгерском и тюркском языках. Речь идет о нескольких иранизмах, проявляющих фонетические черты, характерные для (древне- и средне-) персидского, а не для исторически засвидетельствованных диалектов северных иранцев, с которыми соседствовали предки венгров и тюрков на их прародине в Передней Азии¹⁰. Кроме таких признаков как *d*, *ð* из общеиранского *dz*, *ts* < и.-е. *g*, *k*, речь идет и об интересующем нас здесь переходе *f* > *h*. Такое изменение замечается в иранизмах венг. *ölyv*, *ölyű* ‘ястреб’, монг. *elije*, *elē* ‘коршун’, возводимых через **ali(h)ya-* к тому же древнеиранскому источнику, что и н.-перс. *āluh* < др.-перс. **ardifya-*, ср. авест. *arazifya-* ‘орел’. Отражение всех трех древнеиранских спирантов *χ*, *ð*₃ и *f* как *h*, промежуточной стадией которого, вероятно, было совпадение рефлексов др.-иран. *f* и *ð* с *χ* < **kh-*, характерно, по меньшей мере, не только для среднеперсидского, функционировавшего на крайнем юго-западе иранской языковой территории, но встречается и далее, на ее северо-востоке, в хотанско-сакском¹¹, который, в свою очередь, проявляет глубокие генетические связи со скифским, вопреки географической и хронологической отдаленности между ними (саки – иранское обозначение скифов).

Возможным примером совпадения *f* с *χ* в скифском диалекте северного Причерноморья уже до V в. до Р.Хр. является имя скифского царевича Анахарсиса, которое с большой вероятностью можно расчленить таким образом: *Ανάχα-ροίς*, предполагая, что в его второй части отражено скифское соответствие древнеиндийского слова *ṛsi-* ‘ясновидец, мудрец, риши’¹². Такое толкование находится в совершенном согласии с тем фактом, что древнегреческие писатели характеризовали Анахарсиса как мудрого (*Ανάχαροίς ὁ σοφός*) и причисляли его к семи греческим мудрецам (*οἱ ἑπτὰ σοφοί*). Если оно правильно, то данное имя не было настоящим антропонимом, а являлось каким-то пот *raglant*, определяющим в устной традиции один легендарный персонаж¹³. Однако первая часть имени до сих пор не имеет убедительного объяснения, прежде всего из-за интервокального *-χ-*, трудно этимологизируемого на древнеиранской почве¹⁴. Если допустим, что *-χ-* отражает здесь скифское *χ* из древнеиранского *f*, тогда звукосочетание *αναχα-* возводимо к др.-иран. **anāfa-* в значении ‘не-род, выронок своего (на)рода’, ср. авест. *nāfah-* ‘семья, род, народ’, пехл. *naf*, согд. *n’β* ‘народ, люди, община’ и т.д. или же ‘враждебный (обожествленному) Роду’, ср. осет. *Naf* как название божества II праздника (Абаев II, 148), ср. подобное словосложение др.-инд. *an-indrā-* ‘враждебный Индре’. ‘Мудрец-выронок’ или ‘богу Рода враждебный мудрец’ – едва ли было возможно, в соответствии с контекстом предания, найти лучшую дефиницию для мудрого скифа, которого, из-за его сочувствия иноземным обычаям и почитания чужих божеств, его соотечественники и сородичи казнили как изменившего родине.

Найти больше примеров для скифских рефлексов др.-иран. *χ*, *ð* и *f* при небольшой частоте употребления этих фонем очень трудно, особенно потому, что реликты скифского языка становятся тем скуднее.

чем более мы стремимся отделить то, что в диалектном смысле скифское, от массы сармато-аланских данных. Из сарматского периода мы все-таки располагаем одним косвенным свидетельством. Географ II в. до Р.Хр. Клавдий Птолемей упоминает причерноморский город Φύσκη, расположенный на востоке от устья Тираса (Ptol. Geogr. III 10.7). Учитывая, что местоположение античного города предполагают в современном Сухом Лимане. Фасмер возводит его имя к др.-иран. **huška-* 'сухой' (авест. *huška-*, н.-перс. *lušk-*, осет. *xusk'* и т.д.), объясняя ф- (вместо χ- или аспирации) влиянием греческого слова φύσκη 'пузырь'¹⁵, но лучше в *Fuska-* < **Xuska-* видеть своего рода псевдосарматизм, возникший вследствие локальной интерференции субстратных скифских говоров с χ < f, ср. предполагаемое **naχa(h)-* < др.-иран. *nāfah-*, и сарматского суперстрата, в котором др.-иран. *f* сохранялось¹⁶.

Фонетическое изменение, предполагаемое на основании отношения греч. φάλαγγ-: праслав. **xalqga*, является в свете вышеприведенных наблюдений отнюдь не совсем изолированным. Повсюду, где оно могло отразиться, – в реликтах самого скифского языка, в финно-венгерских и монгольских заимствованиях из него, в сарматском суперстрате, можно найти для него надежные примеры¹⁷. Сам по себе каждый из этих примеров остается на уровне гипотетического, но в своей совокупности они заставляют серьезно считаться с такими иранизмами в праславянском языке, в которых др.-иран. *f* < и.-иран., и.-е. **ph*, а опосредованно и греч. φ, отражены с помощью праслав. х. Если исходной формой славянского слова **xalqga* действительно было скиф. **χalanga*, отражающее, в свою очередь, греч. (акк.) φάλαγγα, эвентуально *φαλάγγη¹⁸, надо разяснить еще одну фонетическую деталь. Речь идет о разнице в количестве первого гласного, так как в греческом он краток (α), а в славянском – долог. Удлинение изначально краткого ударного гласного наблюдается в двух других славянских словах, заимствованных из древнегреческого: **kolyba* < καλύβη (у = [ū]: у = [ū]) и *korábl'* < καράβιον (слав. = [ā]; в греч. и то и другое α = [ā]). Когда и где проникли эти заимствования, о древности которых свидетельствует сохранение "беты", спорно, но и в том и в другом случае едва ли уместно исключить возможность скифского посредничества. В древнегреческом слове φάλαγγξ, акк. φάλαγγα, ударение падает на первый слог. Очевидно, что и здесь ударный гласный удлинился, но неясно, произошло ли это еще в греческом произношении или вследствие иранизации слова. Как бы то ни было, праслав. форма **xalqga* предполагает скиф. **χálanga-*. Следовательно, для праслав. реконструкции надо принять начальное акутовое ударение: **xálqga*; перенос акцента на пенультиму, наблюдаемый в рус. *халы́га*, с.-хорв. литер. *xàluga*, словен. *halóga* – результат перераспределения **xálqga* > **xal-qga* по модели продуктивного типа суффиксальных производных на -*qga*. Первичное ударение сохраняется, кроме болг. *àлага*, *àлуга*, и в сербских диалектах, как, напр., *àлуга* в Загараче (Др. Ћупић, Ж. Ћупић). Речник Загарача 6–7: там из праслав. **xalqga* произошло бы ***alýga*) и в валеvской Тамнаве¹⁹ (где из **xalqga* ожидалось бы ***àлуга*). Моделью преобразования послужило, может быть, праслав. **ostrqga* 'ежевика', се-

мантика которого довольно близка фитонимическим значениям слова **xalqqa*, в то время как в основе других слов на *-qqa/-qgъ*, для которых можно принять праславянскую древность, лежит обозначение цвета²⁰.

Культурно-исторические обстоятельства заимствования слова *φάλαγξ* в скифский язык можно лучше всего представить себе в свете геродотовского описания большого деревянного города греческих поселенцев в земле Будинов Гелона (Hdt. IV 108), которое свидетельствует о том, что греческие бревенчатые постройки в Скифии отнюдь не ограничивались укреплениями временных военных лагерей. Позднее, но все-таки довольно рано, праславяне заимствовали от германцев в том же значении, что и **xalqqa*, термин **tynъ*: не только хронология, но и география этих слов различаются, так как первое из них проникло из скифского в праславянский где-то в юго-восточной части его территории, на стыке иранского и славянского языковых ареалов и в своем распространении никогда не охватывало крайний северо-запад (в польском его нет), а второе слово, наоборот, распространяясь из славяно-германской контактной зоны на северо-западе, не достигло юго-востока (в болгарском его нет, в сербском и хорватском – только в северных диалектах на окраине Паннонии).

Если наши выводы верны, нам удалось выявить в праславянской лексике след тех языковых и культурных контактов, которые в течение второй половины первого тысячелетия до Р.Хр. связывали праславян через посредничество причерноморских скифов с греческими колониями в северном Понте. Эта находка, по нашему убеждению, отнюдь не изолирована; в обширной работе мы попытаемся обнаружить ряд до сих пор не замеченных праславянских скифизмов, исходя из дистинктивных черт скифского языка как довольно ясно дифференцированного древнеиранского диалекта. Здесь ограничимся указанием на возможные другие примеры с той же самой чертой $x < f$, как бы подкрепляющие нашу этимологию слова **xalqqa* из др.-греч. *φάλαγξ*. Так как *φ* в древнегреческом употреблялось гораздо чаще, чем в древнеиранском, отражение данного звукового процесса в праславянской лексике скифского происхождения можно ожидать скорее в скифских прецизмах, чем в исконно иранских словах. Ввиду того, что в позиции перед палатальным гласным древнегреческому придыхательному *φ*, испытавшему скифский переход в *χ*, отвечало бы праслав. *š*, кажется возможным возвести праславянские слова **košъ*, **košъnica* ‘корзина’ именно к этому древнегреческому слову, которое передается ими в старославянских переводах евангелий: *κόφινος* то же (напр., Иоанн 6, 13). И в этом случае речь идет о культурном, странствующем слове, перешедшем через лат. (*cophinus*) в германские языки: англ. *coffin* ‘гроб’, франц. *coffre* ‘ящик’, нем. *Koffer* ‘чемодан’, изначально – ‘плетеная корзинка (огородника)’ (ср. Frisk I, 936 и сл.; Kluge 387). Заимствование из древнегреческого в скифский и, далее, в праславянский могло прежде всего появиться в рамках античной хлеботорговли между Грецией и северным Причерноморьем (др.-греч. *κόφινος* обозначало также меру сыпучих тел и жидко-

стей). Промежуточным звеном была, пожалуй, скифская форма с χ < φ и с \tilde{a} , субституцией гласного \tilde{o} , чуждого иранской фонологической системе, – **kāχīna-*. Оттуда непосредственно получилось слав. **košьn-*, которое понято как адъективное производное на *-ьn-* от мнимой основы ***koš-*; вследствие этого переразложения возникла, с одной стороны, “бессуффиксальная” форма **košь*, а с другой, по продуктивной модели субстантивизации прилагательных на *-ьn-*, – **košьnica*²¹.

Наконец, в связи с принятым нами выведением праслав. **xalqqa* из др.-греч. *φάλαγγ*, надо затронуть проблему происхождения еще одного праслав. слова: **xorogy*, *-ъve* ‘знамя’. Если предположим, что его изначальное значение было то, которое засвидетельствовано в польском, – ‘воинский отряд’ (ср. в семантическом отношении др.-рус. *стагъ* ‘боевое знамя’ > ‘отряд’), то кажется вполне возможным возвести и это слово к др.-греч. *φάλαγγ*. Древнегреческая фаланга, как один из основных элементов военной тактики, была принята многими античными народами, а, в свою очередь, древние иранцы и, в частности, скифы отличались употреблением знамен для обозначения отдельных отрядов; от них этот обычай приняли римляне, у которых сначала конные отряды, а потом отдельные когорты носили скифские змеевидные знамена (*dracones*)²². В таких культурно-исторических условиях слово *φάλαγγ* в значении ‘конный строй, отряд’²³ могло войти в язык причерноморских иранцев и оттуда в праславянский совсем независимо от, по всей вероятности, более древнего заимствования того же слова в другом терминологическом употреблении ‘деревянная постройка’²⁴. Но дело отнюдь не так просто. Если и отвергнуть попытки германской этимологии слова **xorogy* как малоубедительные, данное слово неотделимо от монгольского *оруңго*, *оруңга* ‘знамя’, которое можно возвести к более древней форме с начальным *h-*. Существуют попытки найти исконно монгольскую этимологию этого слова, но, по словам Поппе, они не дают окончательного решения²⁵, так что нельзя исключить его иноязычное происхождение, в том числе, и нами предположенное из др.-греч. *φάλαγγ*. Как и в случае со славянским словом, такое толкование предполагало бы, по историко-географическим причинам, иранское посредничество (но не обязательно) и скифский языковой фильтр. Дело в том, что начальное *h-*, исчезнувшее в тюркском уже до эпохи памятников древнетюркской письменности, а в монгольском – гораздо позднее, восходит к более древнему *f-*, которое в тюркско-монгольском сохранилось еще в четвертом столетии Хр. эры²⁶. Иными словами, внутриязыковую реконструкцию монг. слова *оруңго*, *оруңга* можно вести, через промежуточную стадию **horuңgo*, к изначальному **foruңgo* (или под.). Отсюда следует, что предположительным иранским звеном между древнегреческой и монгольской формами могло быть и сармато-аланское **faranga-* с неизменным анлаутом, которое перешло гуннам и от них другим тюркским и монгольским племенам, тогда как слав. форма с *x-* являлась бы заимствованием из аварского²⁷.

Примечания

- 1 Вакернагель говорит об одном из редких случаев: “da bei alten Wörtern, die Homer mit der Folgezeit gemein hat, die älteste Bedeutung ihm fremd, aber aus außerhomerischen Gebrauch erschließbar ist” (*Waskernagel J. Sprachliche Untersuchungen zu Homer. Göttingen, 1916*).
- 2 Засвидетельствованное позднее значение ‘аллея’ (А. Тат. 1, 1) надо считать, скорее метафорой к ‘строй пехоты’, чем выводить его из первоначального ‘ствол’.
- 3 *Lammert F. Статья phalanx // Pauly-Wissowa. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. T. XXXVIII. Stuttgart, 1938, 1625.*
- 4 Ср. подобную сингуляризацию: χάραξ ‘кол’ < ‘частокол, палисад’ > ‘укрепленный лагерь’.
- 5 В итальянском языке слово в этом значении засвидетельствовано с начала семнадцатого столетия (*Coretazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della lingua italiana, 4. Bologna, 1970–1988, 863*), в сербском – в летописи тюркского времени (*Даничић Њ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1863 (репринт 1975) II, 270*). Ср. Фасмер III, 190; БЕР 5, 21.
- 6 Значение ‘военный лагерь’, встречаемое у Ксенофонта, необязательно выводится из ‘военный строй’ по закону синекдохи, а может быть возведено непосредственно к *‘палисад’, т.е. ‘укрепленный лагерь’.
- 7 *Meңges K.H. // ZfB VII, 1969–1970, 1–2, 62.*
- 8 *Славский Фр. (Słownik prasłowiański I, 68)* и, в последнее время, Сной М. (Snoj, 165), констатируют, что слово “niepewne etymologicznie” – “etymološko ni zadovoljivo rojasnjeno”, но все-таки допускают возможность вышеупомянутой этимологии, т.е. связи с **xoliti* и **xala*.
- 9 Они перечисляются в приведенных статьях Фасмера и ЭССЯ. Махеком предполагалось родство с др.-инд. *śālā-* м.р. ‘ограда, вал’, Шарпантье – с лат. названием растения *selāgō*, Горяевым – с лит. *šalis* ‘страна, сторона’, греч. καλύβη ‘хижина’, Брюкнером и Львовым – с **xalupa* (*Львов А.С. Славянские слова с корнем chal-/chol-* // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1970 I, 9–10; ср.: *Он же*. По поводу болгарского диалектного *алага, алуга* // БЕЗ XIV, 1970, 2, 9–10).
- 10 *Szemerényi O. Südwestiranische Lehnwörter im Ungarischen und Türkischen // Fr. Altheim. Geschichte der lateinischen Sprache von den Anfängen bis zum Beginn der Literatur. Frankfurt am Main, 1951.*
- 11 *Emmerick R.E. Khotanese and Tumshuqese // Compendium linguarum Iranicarum hrgg. v.R. Schmitt. Wiesbaden, 1989, 214.*
- 12 Так уже Мейер Л. (*Meyer L. Σίς, μία, ἔν // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen (= Kuhns Zeitschrift) Berlin, 1856, 162*), в настоящее время О.Н. Трубачев (*Трубачев О.Н. Старая Скифия (Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект // ВЯ 1979, 4, 29–45*); возражение Фасмера (*Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde I. Berlin, 1971, 114 (= Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven I: Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1924)*), что слово не подтверждено в иранских языках, не обосновано ввиду др.-авест. *ərəšī-š* ‘боговдохновенный’.
- 13 Толкуя это имя как **ana-xvarci-* ‘невредимый’, Абаев (*Абаев В.И. // ОЯФ I. 153; 169; 206; 214*) принимает одно антропонимическое значение, но непосредственных параллелей для него в ономастике нет; кроме того, эта этимоло-

- логия, вопреки одобрительным отзывам (напр.: Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и "индоарийском" населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, 56), уязвима и с фонетической точки зрения, потому что в скифском середине V столетия др.-иран. *l* перед *i* еще не претерпело ассимиляции. ср. скиф. *arti-* 'участок; счастье' в имени богини 'Αρτίμπασα (Hdt. IV, 59).
- 14 Маеир привлекает др.-инд. *an-agma-* 'незлюбивый', но в древнеиранском ожидалось бы для индоиран. *gh* дезаспирированное *g*, в греч. передаче *γ*; Трубачев считает имя индоарийским субстратом и отождествляет его с др.-инд. *maha-ṛṣi-* 'великий мудрец', вторично получившим привативное *a-*, тогда как др.-инд. корню *mah-* отвечает др.-иран. **madz-* (> авест. *maz-*; др.-перс. было бы **mad-*).
- 15 Vasmer. Op. cit., 159 и сл.
- 16 Надо предположить, что изменение топонима произошло в эпоху, когда сарматской форме **huška-* 'сухой' противостояла скифская **xuska-* с уже отвердевшим *h-* (из **s-*) в *х-*.
- 17 Дополнительно припомню примечание Помпея Трога (M.I. Iustini. Epitoma historiarum Philippicarum XI, 2.3), согласно которому язык парфян – синтез скифского и мидийского; надо допустить, что оно произошло, между прочим, из осознания фонетического сходства среднеперсидской (пехлеви) и скифской форм некоторых слов с *χ/h* из *f*.
- 18 Ср. в словаре Покорного из не знакомого мне источника приведенную форму φάλαγγα 'Planken' (Рокоту I, 122).
- 19 Ђукић Д., Милисављевић С. Ономастика дела Тамнав // Ономатолошки прилози VII. Београд, 1986, 437–482.
- 20 Ср. **ṛstrqqa*/**ṛstrqgъ*, **morqqa*/**morqgъ*, **čьrnqqa*/**čьrnqgъ*. В этой функции суф. *-qqa* отождествляется с др.-инд. *-an-ga-* в прилагательных, обозначающих цвет, и в названиях животных по масти (ср. Славский. Słownik prasłowiański, там же). Функция суффикса в **ostrqqa* неясна; можно даже сомневаться, что это вообще суффиксальное образование, а не, возможно, словосложение **ostro-nga* '(растение) с острыми когтями, т.е. колючками', вторая часть которого являлась бы нулевой ступенью корня **nog-/neg-* в **noga*, **nogъtъ*, **raz-negъtъ* и т.д.
- 21 В значении 'рыболовная верша' для слова **košъ* можно было бы предположить и исконно скифскую этимологию **kaḫya-* < **kafya-* 'рыбный', прилаг. от др.-иран. **kapa* 'рыба', отраженного, между прочим, в осетинском языке как *kaef*, эвентуально и в скифской топонимии (ср. Абаев I, 575–576; Он же. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 272–364). Традиционное сравнение праслав. **košъ*, диал. и **košelъ* с лат. *quālum* 'корзина' уязвимо с формальной стороны, потому что **košelъ* (*-ель*, *-ела*) объясняется как вторичное производное от **košъ*, тогда как *quālum*, ввиду диминутива *quasillum*, восходит скорее к **quatslom*, чем к предположительному и.-е. диалектизму **k^uaslom*; кроме того, *quasillum* < *quassillum* < **quatsillum* своим конкретным значением 'корзиночка с прядей (которая постоянно сотрясается)' явно связывается с глаголом *quatiō*, *quatēre*. *quassum* 'трясти' и его интенсивом *quassāre*. Правда, возможно, что латинский диминутив своей звуковой формой обязан вторичному сближению с *quassāre* и что, в свою очередь, **košelъ* является преобразованием из начального **koslo* = *quālum* < и.-е. **k^uaslom* или, ранее, **koslom*. если этот пре-

- месленный термин считать родственным праслав. **kositi*, **česati* (ср. достопримечательную попытку О.Н. Трубачева поднять эту корневую этимологию на высший уровень: Трубачев О.Н. Ремесленная терминология, 164; ЭССЯ 11, 187 и сл.). Но прямого соответствия между **košelъ* и *quālum* нет.
- 22 Судя по мозаичному изображению битвы Александра из Неаполя, полотняными знаменами первыми пользовались персы времен Ахеменидов; о парфянских змеевидных знаменах см. Атт. XVI 10.7, о их скифском происхождении – Агг. Таст. 53 (Herch.). Подобные дакские знамена, изображенные на столпе Траяна, являются также результатом древнеиранского влияния. Ср.: Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2. von A. Nehring 1–2. Berlin, 1917–1928, I, 278 и сл.
- 23 Др.-греч. *φάλαγξ* могло обозначать и строй конницы, ср. у Ксенофонта Сур. VI 3.2, Ages. II, 9.
- 24 Кстати, существует большая разница между этими двумя словами не только в семантике, но и в форме, так как по отношению к *xalqqa* в **xorǫgy* < *φάλαγγ*- наблюдается “иранизация” чужого *l* в *r*, перемещение ударения и иное оформление основы.
- 25 Менгес выводил его из глагола ‘вертеть’ (*Menges K.H.* The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igoŭ Tale (Slovo o Rъlku Igorevѣ) // Word 7. Supplement Monograph No. 1, 1951, 59–63), тогда как Поппе в рецензии на эту работу в качестве альтернатив предполагал первоначальные значения ‘то, что на верху (телеги)’ или ‘оленьи рога’ (*Poppe N.* Word 9, 1953, 98).
- 26 *Ramstedt G.J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I: Lautlehre, bearb. u. hrsgg. von P. Aalto. Helsinki, 1957 (Mémoires de la Societé Finno-Ougrienn 104), 39–40.
- 27 Впрочем, допущение альтернативного пути слова из древнегреческого в скифский, из скифского – уже с *χ* – в славянский и из славянского в тюркско-монгольский помогло бы разъяснить вокализм монгольской формы (слав. *q* > *-on/-un-*, кот. потом, согласно закону о гармонии гласных, меняет тембр исконного **a* в первом слоге).

Р. Мароевич

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СИСТЕМЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. ПОНЯТИЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

1.1. Понятие и термин антропонимическая категория и я впервые были введены в славистический научный оборот в нашей статье “Антропонимические категории в древнерусском языке (к реконструкции праславянской антропонимической системы)”¹. В данной статье, а также в книге «Посессивные производные в древнерусском языке: Антропонимическая система. Топонимия. “Слово о полку Игореве”», антропонимические категории описываются следующим обра-